

БОБЫЛЬСТВО В РОССИИ В XVI—XVII вв.

А. Л. ШАПИРО

С тех пор, как история русского крестьянства привлекла к себе в середине XIX столетия пристальное внимание исследователей, возникли и вопросы о сущности бобыльства, об основных признаках этой значительной социальной группы и о причинах и времени ее возникновения и исчезновения. В 1904 г. С. А. Шумаков признал вопрос о бобылях одним из самых «темных» вопросов в истории русского права¹.

Трудности, с которыми исследователи столкнулись при решении этого вопроса, возникали в связи с тем, что в источниках (писцовых книгах, порядных грамотах и др.) наряду с непашенными бобылями выступали бобыли, занятые хлебопашеством, наряду с бездворными — бобыли, владевшие своим двором, наряду с бедняками — зажиточные бобыли, наряду с деревенскими — городские бобыли. Даже если говорить об одних деревенских бобылях, которым посвящена настоящая статья, придется признать большую пестроту данных, характеризующих бобыльское состояние.

В 1860 гг. различные толкования бобыльства предложили И. Д. Беляев, С. М. Соловьев и Н. И. Костомаров. Затем их формулировки развивали В. О. Ключевский, М. Горчаков, П. А. Соколовский и другие видные русские историки. В 1890 гг. вопрос о бобыльстве был заново рассмотрен М. А. Дьяконовым, который пришел к выводу, что «типичною и господствующею формой бобыльства» являлись «бобыли не пашенные, не тяглые, имевшие собственную усадьбную оседлость»². Книга М. А. Дьяконова построена на большом документальном материале. Но ни Н. А. Рожков, ни Гр. Шмелев, ни А. С. Лаппо-Данилевский, выступавшие с разбором этой работы, не могли безоговорочно принять дьяконовскую характеристику бобыльства. А опубликовавший в 1912 г. специальную статью о бобылях Б. Д. Греков и вовсе отказался смотреть на них как на непашенных людей.

М. А. Дьяконову, его критикам и другим историкам дореволюционного периода удалось собрать немало интересных данных о бобылях³. Им принадлежит ряд наблюдений о ремесленных занятиях бобылей, об их торговых делах, об обложении их государственными податями и др. Но вопрос о сущности бобыльства оставался открытым. Не были также прослежены связи между историей бобыльства и общими процессами складывания всероссийского национального рынка.

¹ С. Шумаков. Темные пункты в истории русского права. «Журнал Министерства народного просвещения» (ЖМНП), 1904, апрель, стр. 206.

² М. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.), СПб., 1898, стр. 206—240.

³ Обзор дореволюционной литературы о бобылях см. в указанной работе М. А. Дьяконова и у Е. Сташевского («Очерки по истории царствования Михаила Федоровича», ч. I, Киев, 1913, стр. 47—49). После опубликования книги Е. Сташевского вопрос о бобылях был затронут М. Островской в книге «Земельный быт сельского населения русского севера в XVI—XVII вв.» (СПб., 1913, стр. 78—80) и С. Б. Веселовским в книге «Сошное письмо» (т. II, М., 1916, стр. 516 и 663).

Советская историография, поставившая в центр внимания историю народных масс, проявляет большой интерес к вопросам социального и экономического положения такой значительной части сельского населения, как бобыльство.

Крупнейший советский специалист по истории крестьянства Б. Д. Греков посвятил бобылям специальную главу своей замечательной монографии «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века»⁴. Снова подвергнув критике взгляды М. А. Дьяконова и показав, что у бобылей часто бывала пашня, Б. Д. Греков высказал мысль о том, что даже в тех многочисленных случаях, когда писцовые книги и другие документы называют бобылей «беспашенными», у них обычно была пахотная земля.

Б. Д. Греков считает беспашенность бобылей не правилом, а исключением из правила. Основные различия между деревенскими бобылями и крестьянами следует искать в системе их обложения, в тяглой организации. «Бобыль,— писал Б. Д. Греков,— называется непашенным не потому, что он не обрабатывает земли, а потому, что у него с точки зрения финансового ведомства нет пашни, обложенной тяглом»⁵. Б. Д. Греков полагал, что землевладелец предпочитал иметь дело с бобылями, которые платили государству очень скромный оброк. В свою очередь люди, поряжавшиеся в бобыли, стремились получить гарантию от притязаний государства, посада и крестьянского тяглого общества и приобрести некоторую бытовую устойчивость. Поэтому «бобыль ищет себе господина побогаче и повлиятельнее, такого, который мог бы его защитить»⁶. Поэтому вольному человеку представлялась иногда жизнь в бобылях за сильным человеком более безопасной, чем его «воля». За бобыльством мог, таким образом, скрываться институт закладничества. Исходя из этих соображений, Б. Д. Греков приходит к выводу, что «бобыль — зависимый от своего господина человек, по договору получающий право «жить за» господином и тем самым освобождающийся от тягла на обоюдных с господином условиях: со стороны господина — включить бобыля в число своих подданных, предоставить ему жилище, иногда и участок земли, со стороны бобыля — оставаться в зависимости сначала на время, в XVII в. навсегда, платить оброк и исполнять ряд повинностей, обычно оговариваемых в договоре»⁷.

Б. Д. Греков признает, что в бобыли обычно идут люди бедные. Но в хозяйственном отношении он не склонен проводить резкую грань между крестьянским и бобыльским состоянием. Говоря о сермакских бобылях Новгородского дома св. Софии, Б. Д. Греков отмечает, что там были совсем бедные, бездворные бобыли. Но не они делали погоду. Какова же разница между обычными частновладельческими бобылями и крестьянами? И те и другие земледельцы; «одни побогаче, другие победнее, одни могут справиться с крестьянским тяглом, другие не могут и кладутся не в тягло, а в более легкий бобыльский оброк»⁸.

Б. Д. Греков был безусловно прав, когда давал характеристику бобыля как феодально-зависимого человека. Заслугой Б. Д. Грекова является и то, что он отвел тяглу существенное место в определении бобыльства. Но, говоря о тягле, он имел в виду государственные повинности, которые отбывались бобылями в уменьшенном размере⁹. Между тем необходимо учитывать, что владельческие повинности бобылей были тоже, как правило, значительно ниже, чем владельческие повинности крестьян. Если бы Б. Д. Греков обратил на это обстоятельство больше

⁴ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, М.—Л., 1946, стр. 734—759.

⁵ Там же, стр. 742—743.

⁶ Там же, стр. 751—752.

⁷ Там же, стр. 755.

⁸ Там же, стр. 757.

⁹ Там же, стр. 742, 747, 754.

внимания, он не говорил бы, что землевладелец предпочитал иметь дело не с крестьянами, а с бобылями, или ограничил бы этот вывод существенными оговорками.

Анализ владельческих повинностей бобылей и системы их обложения вотчинными властями заставляет пересмотреть и вопрос о заключительном моменте в истории бобыльства. Указ 1679 г. о подворной подати ликвидировал различия в размерах оклада государственных повинностей, которыми облагались крестьяне и владевшие своим двором бобыли. Однако этот указ нельзя рассматривать как заключительный этап в истории бобыльства, поскольку сохранялись значительные различия в размерах владельческих повинностей¹⁰.

Некоторых корректив также требует данная Б. Д. Грековым характеристика источников бобыльства. Бобыль не обязательно выступает как человек «по договору получающий право «жить за» господином»¹¹. Землевладельцы нередко переводили в бобыли крестьян, которые уже давно «жили за» ними. Перевод такого частновладельческого крестьянина в бобыли производился обычно по его челобитью и по приказу господина. Конечно, удовлетворение господином челобитной его крестьянина можно лишь весьма условно именовать договором. Необходимо учитывать существенные различия между таким «договором» и договором между господином и свободным человеком, поряжающимся к нему в бобыли.

Вместе с тем нужно отметить, что в бобыльских порядных грамотах начала XVII в. (как и XVI или середины XVII вв.) нельзя усматривать черты найма. В этой связи следует остановиться на соображениях, высказанных по этому вопросу А. М. Панкратовой¹².

А. М. Панкратова занялась бобыльством в связи со своими последними исследованиями по истории предпролетариата и наемного труда в России. Признавая, что в XVII в. существовала юридическая и фактическая возможность использования наемного труда, она вместе с тем полагала, что «оформление крепостного права в середине XVII в. сократило резервы «вольных людей», уходивших в «наймиты», а положение их еще более приблизилось к положению феодально-зависимых людей». Подтверждение этого тезиса А. М. Панкратова искала и в истории бобыльства XVII в.

Согласившись с мнением Б. Д. Грекова о том, что в бобыли шли вольные люди, А. М. Панкратова полагала, что бобыли, во всяком случае в начале XVII столетия, «чаще всего выполняли всякую работу по найму». Если бы здесь речь шла о наемном труде бобылей не в хозяйстве своего господина, а на стороне, можно было бы с некоторыми оговорками (без слов «чаще всего») принять тезис А. М. Панкратовой. Но в статье говорится о взаимоотношениях бобылей с их господами. Бобыльские порядные грамоты рассматриваются там как договор найма, вовлекающий порядившегося в сферу феодальной эксплуатации. В 1620—1630 гг. произошли, по мнению А. М. Панкратовой, серьезные перемены: «зависимость бобылей от хозяев еще более усилилась. В своих порядных бобыли, как и крестьяне, вынуждены были давать обяза-

¹⁰ Дальше мы убедимся, что даже государственные повинности уплачивались после 1679 г. бобылями и крестьянами не в одинаковых размерах, поскольку вотчинные власти при их раскладке часто учитывали особенности в положении бобылей.

¹¹ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 755.

¹² А. М. Панкратова. Наймиты на Руси в XVII в. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия», сб. статей, М., 1952, стр. 207—209. А. М. Панкратова признала вывод Б. Д. Грекова о наделении бобылей пашней и о их земледельческих занятиях более правильным, чем выводы других историков. Но ее взгляды по этому вопросу нельзя признать вполне определенными; так она пишет, что в начале XVII в. «войны, социальные потрясения, стихийные бедствия, разорительные налоги, усилившийся феодальный гнет — все это заставляло многих крестьян бросать пашню и переходить в бобыли». Тут бобыли выступают у А. М. Панкратовой как непашенные люди. (Там же, стр. 208).

тельства о пребывании у хозяина «безвыходно», т. е. теряли право выхода». В течение XVII в. бобыли постепенно сближались с крепостными крестьянами и полностью утрачивали всякие черты наймитов.

Однако, поскольку взаимоотношения между господином и бобылем нельзя рассматривать как отношения найма и до 1620—1630 гг., эволюцию бобыльства трудно толковать как процесс «закрепощения зачатков вольнонаемного труда в XVII веке».

Данная статья содержит пересмотр вопроса о характеристике бобыльства.

Начнем с происхождения этой социальной группы.

По мнению М. А. Дьяконова, наиболее ранние упоминания о бобылях содержатся в Псковской летописи под 1500 г. К этому мнению присоединился Б. Д. Греков¹³. В действительности сохранились несколько более ранние упоминания о бобылях в писцовой книге Шелонской пятины от 1498 г.¹⁴

Само собою разумеется, нельзя полагать, что термин бобыль возник непременно в 1498 г.¹⁵ Но, видимо, он был еще тогда сравнительно новым и не получил широкого распространения. В писцовых материалах конца XV в. он больше не встречается. Да и в книге Шелонской пятины 1498 г. зарегистрировано гораздо меньше бобылей, чем в писцовой книге Шелонской пятины, относящейся к 1539 г. Вряд ли это обстоятельство можно объяснить только тем, что количество сохранившегося писцового материала крайне ограничено. Б. Д. Греков считал несомненным возникновение бобыльства незадолго до XVI в., так как ни в Киевской Руси, ни в княжествах периода феодальной раздробленности мы бобылей не встречаем¹⁶.

Однако бобылей нельзя не сопоставить с другими, более архаичными группами трудящегося населения Руси. В уже упомянутой записи Первой Псковской летописи от 1500 г. сообщается, что Иван III и его сын Василий Иванович призвали псковичей помочь им в борьбе с великим князем литовским. В ответ на это обращение «князь псковской Александр Володимерович и посадники псковские и бояре и весь Псков порубившись с десяти сох конь, а з сорока рублев конь и человек в доспехе, а бобыли пешии люди». Поясняя это место, Б. Д. Греков высказал предположение, что бобыли несли повинность «лично за себя и в качестве пехоты, так как на коня у них нет средств». Однако такой трактовке приведенного текста явно противоречит его продолжение. Рассказав о разрубе повинности и о сборе воинов, летописец сообщает: «и поехаша конная рать, человек на кони в доспехе на Литву князем великим у пособие»¹⁷. Никакой пехоты, таким образом, послано не было. Когда летописец называл бобылей пешими людьми, он, очевидно, имел в виду не их боевое использование в качестве пехотинцев, а их хозяйственное положение. «Бобыли пешии люди» Псковской летописи, как мне кажется, должны быть сопоставлены с «пешеходцами» уставной грамоты митрополита Киприана Константиновскому монастырю 1391 г. и с «пешцами» данной грамоты Великого Новгорода великому князю Василию Васильевичу 1448—1461 гг.¹⁸. В грамоте митрополита

¹³ М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 209; Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 734.

¹⁴ «Новгородские писцовые книги», т. V, СПб., 1905, стр. 164, 167, 250, 275.

¹⁵ Географическое наименование «Боболь» упоминается в разъезжей докладной грамоте Ильменской земли княгини Евфросиньи Дмитровской от великокняжеской земли (около 1455—1456 гг.). «Памятники русского права», вып. III, М., 1955, стр. 58—60.

¹⁶ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 735.

¹⁷ «Псковские летописи», вып. I, подготовил к печати А. Насонов, М.—Л., 1941, стр. 84. В издании Археографической комиссии (середина XIX в.) слова «человек на кони в доспехе» были пропущены.

¹⁸ «Феодальная деревня Московского государства XIV—XVI вв.», сб. док., подгот. к печати акад. Б. Д. Грековым. М.—Л., 1935, стр. 17; «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», М.—Л., 1949, стр. 38.

Киприана, наряду с большими людьми из монастырских сел, фигурировали пешеходцы, владельческие повинности которых были менее разнообразны и менее значительны, чем повинности крестьян, обеспеченных конской тяглой силой. Согласно данной грамоте Великого Новгорода, четыре пещца приравнивались по своей тяглоспособности к одному хозяйству, имеющему «два коня да третье припряжь».

Недостаточно обеспеченные средствами производства крестьяне отнюдь не являлись исключением в период раннего (и позднего) феодализма. Низкая урожайность, частые недороды и «скотинные падежи», тягость феодальной эксплуатации и феодальные войны делали хозяйственное положение крестьян крайне неустойчивым и приводили нередко к частичному или полному разорению. Крестьян, потерявших такую важную в условиях пашенного земледелия часть средств производства как лошадь, источники именовали пещцами. Таких людей было очень много и феодалы вынуждены были считаться с их хозяйственным состоянием и выделяли их в особые категории плательщиков повинностей.

В конце XVI начале XVII в. происходило ухудшение материального положения крестьян, особенно в 1570 гг. и в 1600—1610 гг. Вряд ли можно усомниться в том, что развитие бобыльства в массовую группировку населения связано именно с этим процессом. Результатом польско-литовской и шведской интервенции и других острых потрясений, пережитых страной в начале XVII в., было резкое увеличение процента бобыльских дворов за счет уменьшения процента дворов крестьянских. Судя по сгруппированным Е. Сташевским данным писцовых книг, в XVI в. редко встречались вотчины, в которых процент бобыльского населения достигал десяти. А в 1620—1630 гг. в замосковных и украинских (Тульский, Белевский и Орловский) уездах числилось 58,9% крестьянских и 41,1% бобыльских дворов. В то же время в Рязанском, Веневском, Калужском и Воротыньском уездах количество бобыльских дворов даже превышало количество дворов крестьянских¹⁹. В Поморье и в поволжских понизовых городах, мало затронутых интервенцией и гражданской войной, процент бобыльских дворов был сравнительно невысоким. Резкое увеличение числа людей, записанных при переписи бобылями, отчасти объясняется стремлением землевладельцев сократить в этих тяжелых условиях объем государственных повинностей, падавших на их вотчины и поместья.

М. А. Дьяконов обратил внимание на дозорные книги 1610 гг., объясняющие перевод крестьян в бобыли тем, что «от литовского разоренья они оскудали» или тем, что они «обмолодали» от войны и от податей. М. А. Дьяконов доказывал, что процесс «народнения бобыльства» вследствие оскудения шел и до иностранной интервенции начала XVII в.²⁰ Перевод крестьян в бобыли в результате их оскудения происходил и во второй половине XVII столетия²¹.

В своей подавляющей массе бобыли XVI—XVII вв., как и пещцы XIV—XV вв., были людьми полностью или частично лишенными средств, необходимых для ведения крестьянского хозяйства. Недаром к бобылям применяется иногда выразительный термин «невзгодники».

В. И. Ленин указывал, что в пореформенный период состав семей у зажиточного крестьянства был выше, а у несостоятельного — ниже среднего²². То же самое следует сказать о крестьянстве в период крепостного права. Приведу в качестве примера данные о средней населенности дворов, полученные на основании статистической обработки вот-

¹⁹ Е. Сташевский. Указ. соч., стр. 30—31.

²⁰ М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 216.

²¹ Архив ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, кн. 52, л. 119.

²² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 107.

Категория хозяйств	Количество дворов	Мужчин на двор	Работников на двор
Прожиточные крестьяне	265	4,6	2,6
Нарочитые крестьяне	343	3,5	2,0
Средние крестьяне	430	2,8	1,6
Скудные крестьяне	365	2,4	1,4
Гораздо скудные крестьяне	32	2,4	1,25
Бобыли-дворовладельцы	118	1,9	1,5

В нижегородских вотчинах А. И. Морозовой в 1667 г. на крестьянский двор приходилось более трех человек мужского пола, а на бобыльский — чуть больше двух человек²⁴. Судя по ряду переписных книг 1670 гг., средняя населенность крестьянского двора доходила до пяти человек, а средняя населенность бобыльского — составляла около трех человек²⁵. «Малосемьянистость» бобылей, несомненно, служит косвенным подтверждением их более низкой хозяйственной обеспеченности, по сравнению с крестьянами²⁶.

Далеко не всякого разорившегося крестьянина переводили в бобыли. С точки зрения имущественного положения гораздо скудные крестьяне старорусских погостов вряд ли отличались от бобылей — дворовладельцев. Наконец, отдельные бобыли становились людьми состоятельными и не всегда при этом переводились вновь в крестьяне. Но в XVI в. недостаточная хозяйственная обеспеченность большей части бобылей выступает очень рельефно. Характерно, что, согласно указам 1620—1632 гг., в живущую четверть обычно клали в полтора — два раза больше бобыльских, чем крестьянских дворов. Видеть в этом стремление правительства создать привилегированное положение для владельцев бобылей невозможно, так как в роли таких владельцев выступали все категории феодалов: служилые люди, монастыри и само государство. Очевидно, правительство считало, что с бобылей большего не взять.

Судя по писцовой книге 1608 г., на вычегодских и вымских дворцовых землях крестьяне платили с двора по 25 коп. оброчных денег в год. В то же время бобыльский оброк равнялся там 3 коп. с двора. Оброчные деньги включали здесь платежи «за городовое и за засечное дело» и платежи «за рыбную ловлю и за бобровые гоны и за всякие угоды»²⁷.

Поскольку в данном случае мы имеем дело с дворцовыми вотчинами, точное разграничение государственных и владельческих повинностей трудно осуществить. Там же, где такое разграничение возможно, мы ясно видим, что средние размеры владельческих повинностей, падавших на бобыльский двор, были ниже средних размеров владельческих повинностей, падавших на крестьянский двор. Судя по писцовой книге 1592—1593 гг., землям Троице-Сергиева монастыря в Каменном стане Дмитровского уезда в деревне Стырево с крестьянского двора приходи-

²³ Архив ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, кн. 52. Составители книги 1669 г. считали нарочитых крестьян менее обеспеченными, чем прожиточных.

²⁴ «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. I, М.—Л., 1940, стр. 56.

²⁵ А. С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразования, СПб., 1890, стр. 245; Его же. Разыскания по истории прикрепления владельческих крестьян в Московском государстве в XVI—XVII вв. Отчет о 41 присуждении наград графа Уварова, СПб., 1901, стр. 91. (Далее — Разыскания).

²⁶ В городах, где также было много бобылей, они числились людьми самыми бедными. (С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. II, стр. 647—648).

²⁷ А. М. Гневушев. Акты времени правления царя Василия Шуйского, М., 1914, стр. 291—292.

лось 25 коп. оброка в год, а в деревне Преснедове — 21 коп. Принадлежавшие Троице-Сергиеву монастырю бобыли того же Каменского стана платили оброк в размере 10 коп. с двора²⁸. В деревне Логиново Раменского стана Дмитровского уезда на крестьянский двор приходилось в среднем 19 коп. оброка, в деревне Якунино — 30 коп. Бобыльские же дворы платили по 10 коп. в год²⁹. Даже минимальный оброк крестьянского двора в этих деревнях составлял 15—23 коп. и был выше бобыльского оброка в $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{4}$ раза.

В 1667 г. при описании нижегородских вотчин боярыни А. И. Морозовой в Закудемском, Стрелицком и Березопольском станах оказалось 945 вытных крестьянских и 128 бобыльских дворов. На крестьянский двор приходилось в среднем по 1 руб. 07 коп. оброчных денег, а бобыльский оброк составлял в среднем 23 коп. Кроме того, крестьяне, в отличие от бобылей, обязаны были доставлять барину столовые запасы³⁰. В морозовском арзамасском с. Богородицком с деревнями было в 1667 г. 334 крестьянских и 40 бобыльских дворов. Крестьяне были положены в $19\frac{3}{4}$ выти и платили со двора по 83 коп. Они и здесь должны были в дополнение к денежному obroку вносить разнообразие столовые запасы и пахать 38 десятин барской и 5 десятин приказчиьей земли. Бобыли же платили по 20 коп. с двора, «а опричь того obroку, изделья боярскаго никакова не делают»³¹.

О соотношении владельческих повинностей крестьян и бобылей можно судить и по переписной книге 1672 г. нижегородского с. Гридино. В момент описания это село было дворцовым, но ранее оно принадлежало вотчиннику Миките Зузину. Микита Зузин получал с 115 жилых дворов, положенных в $7\frac{1}{3}$ выти, 112 руб. $44\frac{3}{4}$ коп. obroку. Кроме того, крестьяне работали на майданах и вносили столовые запасы. Дворцовое ведомство заменило майданную работу и столовые запасы дополнительным денежным обложением в размере 138 руб. $41\frac{3}{4}$ коп. В результате на двор пришлось в среднем по 2 руб. 18 коп. Бобыльский же оброк в Гридине равнялся 50 коп. с двора. Таким образом, и здесь крестьянские владельческие повинности превосходили бобыльский оброк более, чем в 4 раза. Не случайно бобыльские дворы были названы составителями переписной книги льготными³².

Сравнительно высокий оброк платили ремесленники-бобыли с Мурашкино. Согласно переписной книге 1671 г., среди этих бобылей были люди, платившие до разорения, связанного с подавлением восстания Разина, по 2 руб. 50 коп. и по 2 руб. 30 коп. оброчных денег «за промысел». Средний годовой размер бобыльского оброка в с. Мурашкино в это время равнялся 77 коп., а если не брать в расчет шесть безоброчных дворов — 86 коп. с бобыльского двора³³. Но даже этот высокий бобыльский оброк был в полтора раза меньше среднего вытного обложения, падавшего на крестьянский двор мурашкинской вотчины.

Бобыльские повинности отличались от крестьянских не только размерами, но и системой взимания. В конце XV в., т. е. приблизительно тог-

²⁸ «Писцовые книги XVI века», отд. I, СПб., 1872, стр. 745, 747, 749.

²⁹ Там же, стр. 758.

³⁰ «Акты хозяйства боярыни Б. И. Морозова», ч. I, стр. 40—58. С 10 бобыльских дворов «вместо obroку брали к поташным делам уголье»; 14 бобыльских дворов, находившихся в слободе Кудашихе, возможно сеяли на приказчиков рожь. Об участии остальных бобылей рассматриваемых вотчин А. И. Морозовой в отбывании барщины ничего сказать нельзя. Но если бобыли и выполняли какие-то барщинные работы, соотношение размеров их повинностей и повинностей крестьян не могло существенно измениться, так как общие размеры барской запашки в вотчине были невелики. Мы вряд ли ошибемся, если будем считать, что на бобыльский двор здесь падало в среднем в $4\frac{1}{2}$ —5 раз меньше повинностей, чем на крестьянский.

³¹ Там же, стр. 72.

³² «Разгром Разинщины», Сб. материалов, вып. 1, Л., 1934, стр. 256—257.

³³ Там же, стр. 40, 209, табл. I.

да же, когда появляется в источниках термин бобыль, в них отразилось и возникновение вытной системы обложения крестьян владельческими повинностями. В XVI—XVII вв. выти использовались и в качестве окладных единиц при обложении крестьян государственными повинностями. Но А. С. Лаппо-Данилевский был прав, когда полагал, что «вытное письмо сложилось скорее в виду частно-хозяйственных, сошное — в виду государственных целей»³⁴.

Присматриваясь к вотчинным переписным книгам и к другим документам вотчинного делопроизводства XVIII в. мы легко заметим, что бобыли не включаются в расчет вытного тягла и отбывают владельческие повинности не на основе вытной системы обложения. Возьмем для примера переписные книги 1669 г. старорусских погостов Иверского монастыря. При описании дворов бобылей вытное тягло здесь никогда не указывается³⁵. В деревне Горке Коломенского погоста иверские переписчики зафиксировали «двор Ивашко Игнатъев Грибан з детми Анофрейко 15 лет, да Ивашко 13 лет, да Мирошко 8 лет, прожитком скуден; тягла было под ним четь, а ныне живет в бобылех, а участок пашет с пятого снопа»³⁶. Игнатъев продолжал пахать землю и отбывать владельческие повинности, но он был исключен из числа людей, тянувших монастырское тягло по вытной системе, поэтому он не считается больше крестьянином и записан бобылем.

Как свидетельствуют источники, бобыльские дворы сел Мурашкино и Лысково Курмышского уезда, как в 1635 г., так и позднее, в 1671 г., в вытное тягло положены не были и платили бобыльский оброк³⁷.

Отличие владельческих повинностей бобыля от владельческих повинностей крестьянина отчетливо выступает в порядной, которую в 1645 г. дала архиепископу псковскому и изборскому Пелагеица Пантелеева дочь Олексеевская. Новопорядчица обязалась за себя и за своих детей жить в Троицкой вотчине архиепископа «в бобылех или во крестьянх... и в троицкую архиепископлю казну бобыльской оброк или крестьянское тягло по вся годы платити»³⁸.

То, что было отмечено для светских и церковных вотчин и для дворцовых владений, было характерно также для черных земель, где в качестве непосредственного эксплуататора крестьян выступало феодальное государство. М. Ф. Владимирский-Буданов подразделил население черных волостей на людей вытных и безвытных, к которым он относил бобылей³⁹. М. М. Богословский утверждал, что на севере (район широкого распространения черных земель) бобыли также не были положены в вытное тягло и отбывали особые бобыльские повинности⁴⁰.

Быть являлась условной окладной единицей, которой в пределах того или иного конкретного землевладения всегда соответствовал опре-

³⁴ А. С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения, стр. 229.

³⁵ Архив ЛСИИ, ф. Иверского монастыря, кн. 52.

³⁶ Там же, л. 194.

³⁷ «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII века», ч. II, М.—Л., 1936, стр. 55; «Разгром Разинщины», стр. 5.

³⁸ М. А. Дьяконов. Акты, относящиеся к истории тяглового населения в Московском государстве, вып. I, Юрьев, 1895, стр. 35, № 34 (подчеркнуто мною.— А. Ш.).

³⁹ М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права, Киев, 1907, стр. 136.

⁴⁰ М. Богословский. Земское самоуправление, т. 1, М., 1909, стр. 136—137. Поскольку порядки обложения в вотчинах устанавливались по произволу владельца, они не могли быть вполне единообразными. Возможны поэтому исключительные случаи включения бобылей в число лиц, тянувших вытное тягло. Так, бобыль Никольской вотчины Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря Алексей Елисеев в 1606 г. сдал «жеребей свой примочный... шестнадцатую долю выти и с рожью» бобылю Ивану Иванову. («Материалы по истории крестьян в Русском государстве XVI в. сб. подгот. А. Г. Маньковым, ЛГУ, 1955, стр. 86). Впрочем показания источника тут не очень ясны. Быть может жеребей Елисеева назван примочным потому, что его владелец принял его, возвратившись из бобыльского состояния в крестьянское. Если это так, документ именует его бобылем только по старинке.

деленный земельный надел. Добиваясь сокращения вытного тягла крестьяне шли таким образом и на сокращение земельного надела. В 1673 г. Одоевским бил челом их крестьянин Макарко Кириллов. Жалуясь на болезнь и «одинакость», он просил сбавить его тягло и надел, возложив их на соседа Игнатя Калинина, у которого было три сына и которому «будет пахать в мочь» лишний участок. Одоевский дал указ мирским людям разобрать челобитную и «чинить по своему рассмотрению». Мирские люди удовлетворили просьбу Кириллова⁴¹. Боярин Б. И. Морозов сбавлял по челобитию отдельных скудных крестьян тягло-землю и поручал мирской общине озаботиться о том, чтобы оно не запустело. При таких обстоятельствах установление размера вытного тягла обычно приобретало принудительный характер.

Определяя тягло крестьянина по его «семьянистости» и «прожиточности», землевладелец исключал из вытного тягла сильно разоренных людей, наиболее многочисленной группой среди которых были бобыли. В литературе отмечались случаи, когда бобыли не платили никаких повинностей⁴². Таких нищих и убогих бобылей было немало, но не они составляли основную массу бобыльства. В большинстве своем бобыли отбывали в пользу владельца бобыльщину. В порядных грамотах XVII в. мы встречаем обязательства «зделье бобыльское с бобыли вместе делати»⁴³. Бобыли ремесленники иногда «делали зделье» в соответствии со своей профессией. Некоторые бобыли отбывали натуральные повинности в форме издольщины: «сеяли пашню из снопа»⁴⁴. Но бобыли, которые сидели на барщине или на натуральной ренте, встречаются в источниках редко. Подавляющая их масса платила денежную ренту — оброк деньгами.

В XVI—XVII вв. термин оброк обозначал самые разнообразные владельческие и государственные повинности, выступая чаще всего как синоним денежной ренты. Источники свидетельствуют о том, что уже с XV в. производилась замена комплекса повинностей, которые крестьяне обязаны были отбывать в пользу боярина, монастыря или князя, единымобразным оброком.

А. С. Лаппо-Данилевский обратил внимание на то, что вызванное интервенцией начала XVII в. разорение посадских людей вынудило правительство заменить более легким оброком многочисленные повинности, которыми были обложены различные города. Такого же рода явления встречались и в сельских районах⁴⁵.

Вызванная специфическими причинами замена оброком более обременительных повинностей типична не только для государственного обложения, но и для взывания владельческих повинностей. Бобыльский оброк и являлся разновидностью такого оброка. Главные его отличия от вытных повинностей заключались в его значительно большей определенности, в том, что его плательщики не были связаны общей круговой порукой с крестьянской мирской общиной и в том, что он, как правило, был ниже, чем вытное тягло⁴⁶.

Б. Д. Греков считал, что «землевладелец предпочитал иметь дело с бобылями», так как крестьянин должен был работать на хозяина, на

⁴¹ Ю. Арсеньев. Ближний боярин князь Никита Иванович Одоевский и его переписка с Галицкой вотчиной (1650—1684). «Чтения ОИДР». 1903. кн. 2.

⁴² М. Дьяконов. Очерки по истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.), стр. 231.

⁴³ М. А. Дьяконов. Акты..., вып. 1, № 7, 27, 34, 35.

⁴⁴ См., напр., Б. Д. Греков. Новгородские бобыли в XVI—XVII веках. ЖМНП, 1912, июль, стр. 51.

⁴⁵ А. С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения, стр. 23.

⁴⁶ Оброком источники именуют еще один вид платежей, поступающих в казну боярина, монастыря или в государеву казну. Речь идет о платежах за пахотные пустошь, сенокосные укосы, рыбные угодья, дворовые запустевшие места, мельницы, амбары, лавки или лавочные места, отдававшиеся владельцами в аренду «из наддаци», в том числе и своим крестьянам. Бобыли владели иногда такими угодьями.

себя и на государство. Бобыль же платил государству только очень скромный оброк. В подтверждение своей мысли Б. Д. Греков приводит запись дозорщиков 1620 г., из которой следует, что «дворяне, дети боярские и монастыри крестьян своих у дозорщиков во 128 году утаили, а которых и не утаили, оне крестьян своих писали для тягла бобылями»⁴⁷. Пока бобыли пользовались льготами при платеже государственных податей, землевладельцы стремились выдать своих крестьян за бобылей и это им временами удавалось. По наблюдениям А. Х. Горфункеля, в Кирилло-Белозерских вотчинах одни и те же дворы иногда записывались в государственных писцовых и переписных книгах бобыльскими, а в вотчинных переписных книгах — крестьянскими⁴⁸. Только что приведенная жалоба дозорщиков 1620 г. свидетельствует о том, что запись крестьян бобылями являлась таким же злоупотреблением, как утайка дворов от переписчиков. Сами землевладельцы отчетливо различали людей, которых числили бобылями в вотчинных переписных книгах и которых невозможно было положить в крестьянское вытное тягло, и людей, которых удалось выдать за бобылей при государственной переписи, но которых они сами считали крестьянами и заставляли тянуть крестьянское тягло⁴⁹.

Выдать государеву писцу сидящего на вытном тягле крестьянина за бобыля землевладельцу было выгодно. Но настоящий бобыль, отбывавший на владельца бобыльщину, как правило, значительно более низкую, чем крестьянские повинности, давал ему сравнительно небольшой доход. Поэтому землевладелец предпочитал иметь дело не с бобылями, а с крестьянами. Особенно это относится к тому периоду, когда бобыли были уравнены с крестьянами в отбывании государственных повинностей. Перевод крестьянина в бобыли производился владельцами очень неохотно. В 1672 г. Одоевские велели управляющему и старосте с. Покровского (Галицкая вотчина) осмотреть детей и имущество крестьянской вдовы Алены Ермолинской жены и в случае, если ей на тягле жить невозможно, перевести ее в бобылки. В другом же случае Одоевские не разрешили крестьянину отказаться от вытного тягла и «пожить в бобылях», хотя челобитчик и сообщал, что фактически крестьянского хозяйства он не ведет, скота лишен, хлеба не сеял, скуден и одинок⁵⁰.

Некоторые из сохранившихся документов Тихвинского монастыря второй половины XVII в. навели К. Н. Сербину на предположение, что бобыльство было временным состоянием. Документы эти во всяком случае доказывают, что монастырь был заинтересован в скорейшем переводе бобылей, отбывавших невысокие повинности, на общее тягло⁵¹. То же самое мы наблюдаем на материалах Иверского монастыря.

⁴⁷ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, стр. 751.

⁴⁸ А. Х. Горфункель. Вотчинное хозяйство и крестьяне Кирилло-Белозерского монастыря в XVII в., канд. дисс., Л., 1956, стр. 304.

⁴⁹ Это обстоятельство заставляет с большой осторожностью относиться к данным о численности бобылей, выведенным на основе писцовых и переписных книг. Бывали и такие исключительные случаи, когда в бобыли за сильного вотчинника закладывались богатые купцы, стремившиеся уклониться от государева тягла, которое накладывала на них посадская община.

⁵⁰ Ю. Арсеньев. Указ. сош. «Чтения ОИДР», 1903, кн. 2, стр. 89—90.

⁵¹ К. Н. Сербина. К вопросу о бобылях. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия», стр. 176—177. К. Н. Сербина писала, что в Тихвинском посаде бобыли должны были выполнять все государственные и монастырские повинности наравне со всеми посадскими людьми (там же, стр. 175). Если это было действительно так, непонятно, почему власти старались переводить бобылей в разряд посадских людей, почему бобыльство было временным состоянием. Впрочем, К. Н. Сербина в другом труде привела данные, свидетельствующие о том, что тихвинские бобыли, во всяком случае в XVI и первой половине XVII в., платили в монастырскую казну меньше, чем торговые и ремесленные посадские люди (К. Н. Сербина. Очерки социально-экономической истории русского города. М.—Л., 1951, стр. 331).

Из бобылей, живших своими дворами в старорусских погостах в 1669 г., большинство было зачислено в монастырские бобыли после предыдущей переписи 1655 г.⁵² Когда бобыль становился на ноги, владелец, естественно, стремился перевести его на повышенное крестьянское тягло. Правда, бобыли-торговцы и бобыли-ремесленники платили оброки с торгов и промыслов, но известны случаи, когда и торговцев-богачей переводили из бобылей в крестьяне и впрягали в крестьянское тягло, не освобождая и от оброков с торгового промысла⁵³. Не отрицая того, что в XVI—XVII вв. владельцы старались выдать своих крестьян за бобылей при составлении писцовых книг, мы должны признать что перевод крестьян, отбывающих в пользу барина вытное тягло, на бобыльщину был, как правило, невыгоден владельцу. Светские и церковные владельцы предпочитали иметь дело не с бобылем, а с крестьянином.

Так как на крестьянское тягло труднее было призвать новопорядчиков, владельцы заключали с беднейшими из них бобыльские порядные. Значительная часть бобылей состояла из людей пришлых. Так в старорусских вотчинах Иверского монастыря многие бобыли-дворовладельцы были пришельцами с Ваги, с Лопских погостов, с Корелы, из Пустой Ржевы, из Новгородского и Луцкого уездов и из-за литовского рубежа (из-под Витебска, Полоцка, Невеля). В переписной книге старорусских погостов 1669 г. зарегистрированы бобыли, происходившие из вольных людей, не бывших ни у кого в крепостной зависимости, бобыли, откупившиеся у прежних помещиков и получившие отпускные, а также бобыли из беглых⁵⁴. «Бобыли-приходцы» встречаются и в порядных грамотах, относящихся к значительно более раннему периоду, чем Старорусская переписная книга 1669 г. Упоминания о них мы находим в документах XVI в.⁵⁵

Наряду с пришлыми людьми, ставшими бобылями по ряду с господином, документы очень часто упоминают людей местных, которые были переведены в бобыли без всякой порядной грамоты, простым приказом своих владельцев. Выше была упомянута крестьянская вдова Алена Ермолинская, которую Одоевский велел перевести в бобылки, если ей на тягле жить невозможно. Известны факты перевода «оскудевших до конца» крестьян Кирилло-Белозерского монастыря в бобыли в середине XVII столетия. Двум таким крестьянам было «указано быть в бобылях, по коих мест исправлятца прожитком»⁵⁶. В Славитинском погосте Старорусского уезда в вотчине Иверского монастыря в 1669 г. при вотчинной переписи были зарегистрированы люди, которые «были во крестьянях, а ныне живут в бобылех» из-за того, что они «прискудали»⁵⁷. Из местных крестьян происходила значительная часть бобылей Иверского монастыря. В переписной книге 1669 г. мы на каждом шагу встречаем упоминания о бобылях — братьях и сыновьях нарочитых, середних или скудных местных крестьян. Есть упоминание о бобыле, отец и дед которого были крестьянами, но сошли; их сын и внук не смог поднять крестьянское хозяйство и был переведен в бобыли.

В XVI в. бобыли тоже далеко не всегда были новоприходцами, заключившими с владельцем ряд. Во всяком случае в писцовых книгах земель Троице-Сергиева монастыря 1592—1593 гг. различаются «бобыли-приходцы» и просто бобыли, под которыми, очевидно, понимаются мест-

⁵² Архив ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, кн. 52.

⁵³ В. Г. Гейман. Боярин Б. И. Морозов и крупнейшие его вотчинные села Мурашкино и Лысково Нижегородского уезда. «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.», ч. II, стр. 28.

⁵⁴ Архив ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, кн. 52.

⁵⁵ «Писцовые книги XVI в.», отд. I, стр. 874: 895; отд. II, СПб., 1877, стр. 3.

⁵⁶ А. Х. Горфункель. Указ. дисс., стр. 305, 328, 329. Аналогичные случаи отмечены А. А. Новосельским в «Очерках по истории СССР. XVII век» (М., 1955, стр. 182).

⁵⁷ Архив ЛОИИ, ф. Иверского монастыря, кн. 52, лл. 17 и 19.

ные крестьяне, переведенные владельцем в бобыльство. Последние упоминаются гораздо чаще, чем первые.

Трудно сказать, кого среди бобылей было больше — новоприходцев или оскудевших местных крестьян. Но документы часто свидетельствуют о наличии тех и других. Следует добавить, что как бобыли, получившие право «жить за» господином по договору, так и бобыли, «жившие за ним» задолго до перевода в бобыльское состояние, закрепощались точно так же как крестьяне.

Существо бобыльства в XVI—XVII вв., я думаю, можно было бы определить так; бобыль — это феодально-зависимый человек, не включенный в крестьянское вытное тягло и обложенный особыми, как правило более низкими, по сравнению с крестьянами, владельческими, а до 1679 г. и государственными повинностями. Особенности обложения бобылей вытекали из особенностей их экономического положения: бобыли обычно выступают как люди, не полностью обеспеченные или вовсе не обеспеченные средствами крестьянского производства.

В отличие от определения бобыльства, данного Б. Д. Грековым, бобыльское состояние связывается нами не только и не столько с размерами и порядком отбывания государственных повинностей, сколько с размерами и порядком отбывания повинностей владельческих. Приведенное только что определение бобыльства относится как к бобылям, принадлежавшим светским и церковным владельцам, так и к сельским бобылям, владельцем которых было феодальное государство.

Вопрос о бобылях непосредственно связан с чрезвычайно важными для социально-экономической истории вопросами об отделении промышленности от сельского хозяйства, об имущественном разделении крестьянства, о распространении наемного труда в деревне, о замене денежной формой более примитивных форм докапиталистической ренты, т. е. с вопросами, составляющими часть важнейшей проблемы складывания всероссийского национального рынка.

В этой связи следует вернуться к полемике, касающейся земледельческого хозяйства бобылей. Тщательно подбирая сведения о бобылях, имевших свою пашню, Б. Д. Греков заметил, что иногда они должны были ограничиваться одними яровыми посевами. В ряде случаев бобыли владели только «наезжей» пашней, обработка которой была сопряжена с немалыми трудностями, а доходность сравнительно невелика, иногда бобыльская пашня регистрировалась писцами как перелог и пашенный лес⁵⁸.

Б. Д. Греков обратил внимание на интересные формулировки порядных грамот, раскрывающие особенности бобыльского землепользования⁵⁹. Судя по этим формулировкам, бобыли владели землей по собственному выбору или, как тогда говорили, «из найму». При этом «нанимать» приходилось землю, оставшуюся свободной от крестьянского вытного тягла.

В принадлежавшей Троице-Сергиеву монастырю деревне Юрьевской волости Емсна Костромского уезда писцовая книга 1592—1593 гг. зарегистрировала только один бобыльский двор и две чети середней земли «из найму». И здесь, следовательно, бобыль обрабатывал «наемную землю». В с. Старобислове с деревнями Дмитровского уезда числилось «крестьянские пашни 82 четьи без третника, да пашни же, что пахали из

⁵⁸ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 746; А. С. Лаппо-Данилевский. Разыскания, стр. 95; «Архив усадьбы Волженских в Галичском уезде». Тр. Костромского науч. об-ва по изучению местного края, вып. XIII, второй ист. сб., Кострома, 1919, стр. 124.

⁵⁹ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 742.

найму, 11 четей с осминою». Очень существенно, что при подведении итога наемная земля включена в пустовую: «а в пусе сошного письма и с наемною землею полсохи и полчетьи сохи»⁶⁰. Писцы оставляли необлаженной «наемную» пашню не из потачки вотчиннику и не в нарушение закона. Если бы писцы действовали в нарушение закона, они не стали бы отмечать, что занесенная ими в раздел пустошей земля в действительности обрабатывается. Очевидно, включение «наемной земли» в разряд необлагаемых пустошей было обосновано тем, что эта земля даже вотчиннику давала мало дохода. В писцовой книге указано, что за 11¹/₂ четей этой земли «найму взято на 101 год 20 алт», или около 5 коп. за четверть.

Мы уже видели, что бобыльский оброк был, как правило, значительно ниже крестьянского вытного тягла. Отметим сейчас, что платежи с оброчных наемных земель были тоже обычно значительно ниже, чем с крестьянских вытных земель. В селе Новом Покровском Нижегородского уезда, принадлежавшем боярыне Морозовой, в 1667 г. было «тягла впусе выть и пол-полчети выти». «За тое пустовую землю и за сенные покосы» взято было в год оброка 2 руб. 77 коп. В том же Новом Покровском и в то же время крестьяне платили с выти по 15 руб., по 2 пуда свинины, по 1 гусю, по 1 поросенку и по четверти хмеля, не считая кур, яиц, масла и шерсти, которые исчислялись не с вытей, а с двора⁶¹. Поскольку и государство получало более значительный доход от земель, которые были положены в вытное тягло, чем от земель, которые отдавались на оброк, в наказах писцам XVII в. предписывалось возвращать на тяглые жеребьи крестьян, которые «пометали их в пусто», а сами пользуются наемными оброчными участками. Там, где это было возможно, писцы должны были переводить оброчные земли в вытное тягло⁶².

Понятно, почему землевладельцы стремились сохранить землю на вытном крестьянском тягле, а не отдавать ее «в наем». Понятно, почему землевладельцы отводили лучшие, наиболее удобные земли под вытное тягло. Но почему они все же предоставляли возможность бобылям держать землю на льготных условиях? Для этого могло быть два мотива: 1) привлечь выгодными условиями пришлых людей и 2) получить хоть что-либо с маломогущих хозяев, неспособных тянуть крестьянское тягло. Сравнительно низкий оброк за «наемную» землю можно объяснить только скудостью бобыльского хозяйства, которое на этой земле велось. Поэтому бобыльство являлось той средой, из которой часто выходили люди, нанимавшиеся в чужое хозяйство, люди, занятые неземледельческими промыслами.

Не следует преуменьшать и количество бобылей, которые полностью были лишены пашни и владели одним только усадьбыным наделом. Мы не можем согласиться с М. А. Дьяконовым, считавшим только этих людей типичными бобылями. Но мы не можем также игнорировать многочисленные данные писцовых книг и других источников о беспашенных бобылях. Б. Д. Греков писал, что «беспашенный бобыль» — выражение, которое надо понимать не буквально. «Не обрабатывая зарегистрированной государством пашни, бобыль-земледелец носил официальное название «беспашенного», что иногда и вводило в заблуждение исследователей»⁶³. Но в труде Б. Д. Грекова не приведено ни одного бесспорного факта, когда у бобыля, названного непашенным, была бы пахотная земля⁶⁴. А некоторые писцовые книги, которые Б. Д. Греков привлекает для обоснования своей точки зрения, говорят против нее. Мы уже знаем, что

⁶⁰ «Писцовые книги XVI века», отд. I, стр. 899, 767.

⁶¹ «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. I, стр. 52.

⁶² С. Б. Веселовский. Акты писцового дела, т. I, М., 1913, стр. 211.

⁶³ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 751.

⁶⁴ На стр. 742 и 743 своего труда Б. Д. Греков приводит только случаи, когда непашенные бобыли пахали барскую пашню.

в писцовых книгах землям Троице-Сергиева монастыря 1592—1593 гг. отмечались не только положенные в вытное тягло, но и «наемные пахотные земли». В селе Курятникове с деревнями Дмитровского уезда такой земли числилось 34 четверти. Об этой земле сказано, что «пахали ее наймом» одни только крестьяне. Что же касается до находившихся в Курятникове трех непашенных бобыльских дворов, то на их долю не приходилось ни вытной, ни «наемной» пашенной земли⁶⁵. В писцовой книге Вятского уезда 1629 г. в деревне Коломенской были записаны бобыли, которым «дано было в поскотину три десятины»⁶⁶. Поскольку в писцовую книгу записаны пастбища бобылей, туда была бы, конечно, занесена и их пашня, если бы только она существовала.

Землевладельцам удавалось выдавать некоторых пашенных людей за бобылей, чтобы укрыть их от государственного обложения. Но нельзя на этом основании считать основную массу непашенных бобылей людьми, наделенными пахотной землей.

Источники четко различают бобылей пашенных и бобылей непашенных. В 1912 г. Б. Д. Греков обратил внимание на жалованные грамоты новгородских владык, дошедшие до нас начиная с 1577 г. Уже в этих грамотах встречается стереотипная фраза: «и вы б крестьяне и бобыли пашенные и непашенные нашего сына боярского, а своего помещика слушали и читали»⁶⁷. Какая же здесь может подразумеваться разница между двумя названными категориями бобыльства, если непашенный бобыль так же владел пашней как и пашенный? А между тем разделение на пашенных и непашенных бобылей прочно сохраняется и во второй половине XVII в. В книгах по сыску беглых Лысковской и Мурашкинской волостей 1674—1675 гг. мы встречаем категорию просто бобылей и бобылей непашенных. Земельные наделы непашенных бобылей Преображенского Спаского монастыря ограничивались в 1671 г. усадебной оседлостью⁶⁸. Вряд ли эти бобыли представляли собой что-то исключительное. Различие между пашенными и непашенными бобылями заключается именно в том, что у последних нет пашни.

Чем же занимались бобыли, которых не могла прокормить их пашня, или которые вовсе не имели пахотной земли? Часть из них жила за счет подаяния. В дворах и избенках, стоявших при церквях, в XVI и XVII вв. проживало много нищих и убогих бобылей, однако они отнюдь не составляли подавляющей части бобыльства. На факты занятия бобылей ремеслом и торговлей уже в XVI, а тем более в XVII в. обратили внимание еще буржуазные историки⁶⁹. Но особенно ценный материал стал нам известен благодаря публикациям и исследованиям советских историков⁷⁰. На основании этих данных мы сейчас можем уверенно сказать, что во многих торгово-промышленных селах процент бобыльских дворов был высоким. Так, в знаменитом своей торговлей и промышленной деятельностью нижегородском селе Лысково было, по переписным книгам 1624—1626 гг., 106 крестьянских и 349 бобыльских дворов. В другом крупном нижегородском торгово-промышленном селе Большое Мурашкино крестьян было больше, чем бобылей.

⁶⁵ «Писцовые книги XVI века», отд. I, стр. 759.

⁶⁶ А. С. Лаппо-Данилевский. Разыскания, стр. 95.

⁶⁷ Б. Д. Греков. Новгородские бобыли в XVI—XVII веках, стр. 56.

⁶⁸ «Разгром Разинщины», стр. 6.

⁶⁹ Гр. Шмелев. Новая работа по социальной истории (М. Дьяконов. Очерки по истории сельского населения Московского государства (XVI—XVII вв.), СПб., 1898). Труды археографической комиссии Московского Археографического общества, том первый, вып. 3, М., 1899, стр. 570—571; Н. А. Рожков. М. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве, СПб., 1898, «ЖМНП», 1899, № 1, стр. 239—242; А. С. Лаппо-Данилевский. Разыскания, стр. 93; И. Покровский. Казанский архиерейский дом, Казань, 1906, стр. 159.

⁷⁰ В. Г. Гейман. Указ. соч., стр. 16—39; К. Н. Сербина. Очерки социально-экономической истории русского города, стр. 78—308; Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке, М., 1957, стр. 41—201.

Но и здесь процент бобылей гораздо выше, чем в окрестных чисто-земледельческих поселениях. По переписи 1671 г. из всех бобыльских дворов, расположенных в Большом Мурашкине и в мурашкинских приселках и деревнях, в торгово-промышленном селе Б. Мурашкино находилось 86,5%, а во всех приселках и деревнях — 13,5%⁷¹. В слободке Киструсской Рязанского уезда в 1667 г. «на торжку на усаде» числилось 22 бобыльских двора; крестьянских дворов здесь не было⁷². В то же время в соседнем селе Киструсь и в деревнях решительно преобладали крестьяне, а число бобыльских дворов было невелико. В принадлежавшем Иверскому монастырю селе Валдай «на посаде» в 1692 г. числилось 38 крестьянских, 39 мещанских и 65 бобыльских дворов⁷³. В вотчинах Казанского архиерейского дома число бобыльских дворов превосходило число крестьянских дворов именно в промышленных селах и в пригородах. Так, по переписным книгам 1646 г., в вотчинах архиерейского дома в целом процент бобыльских дворов равнялся 27, а в промышленном с. Архангельском на озере Кабань было 23 двора бобыльских и ни одного крестьянского; в промышленном с. Ягодном было 75 бобыльских и 33 крестьянских двора, в с. Кирельском, промышлявшем рыбной ловлей, было 60 бобыльских и 22 крестьянских двора. Примерно такую же картину рисуют переписные книги 1678 г.⁷⁴ В погостах Карелии, являвшихся торгово-промысловыми центрами края, число бобылей было велико. В середине XVII столетия в Шунгском, Толвуйском, Олонецком погостах оно доходило до 20—30%, в Кижском и Шуйском — до 12—18%. А в Карельском Поморье бобыли, занятые на промыслах, составляли подавляющее большинство населения⁷⁵. По данным Н. В. Устюгова, касающимся солеваренной промышленности Соли Камской в XVII в., количество бобылей и бобыльских дворов выше в погостах, в которых находились соляные промыслы и ниже в погостах, удаленных от промыслов⁷⁶.

Торговую деятельность и наем на работу правительство считало основными занятиями бобылей села Лыскова. В царской грамоте 1666 г. лысковскому воеводе Л. Симановскому о выборе людей для выполнения разных служб, связанных с интересами фиска, было сказано: «которые бобыли не торговые люди и кормятца работою, и тех бобылей в службу выбирать не велено; а будет которые бобыли торгуют всякими торги, и в лавках сидят, и тех бобылей в службу выбирать поочередно по рассмотрению»⁷⁷. В 1692 г. на запрос Новгородской приказной палаты, много ли в Иверском монастыре всяких чинов людей, кроме крестьян, монастырские власти отвечали, что ремесленные люди «написаны у нас мещанами и бобылями»⁷⁸. Не приходится сомневаться в том, что среди крепостных людей — ремесленников доля бобылей была выше, чем среди пашенных крестьян⁷⁹.

Если существование в деревне XIV—XV вв. значительного количества пещцев и первоначальное развитие бобыльского состояния отражало ти-

⁷¹ Подсчитано по сб. док. «Разгром Разинщины».

⁷² При описании слободки все 22 двора названы бобыльскими, а в итоге сказано: «крестьянских и бобыльских — 22 двора». Но формула итога стандартная. «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. 1, стр. 17.

⁷³ К. Н. Сербина. К вопросу о бобылях, стр. 173.

⁷⁴ И. Покровский. Указ. соч., стр. 159.

⁷⁵ «Очерки по истории Карелии», т. 1, Петрозаводск, 1957, стр. 137.

⁷⁶ Н. В. Устюгов. Указ. соч., стр. 151, 155, 157, 158, 160, см. также стр. 167, 175, 177, 183.

⁷⁷ В. Г. Гейман. Указ. соч., стр. 20.

⁷⁸ А. Г. Маньков. Сельские мещане второй половины XVII в. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», стр. 217. Мещанами в Иверском монастыре называли некоторых зарубежных выходцев.

⁷⁹ Источники XVII столетия упоминают не только непашенных бобылей, но и непашенных крестьян. Разница между ними, как нам кажется, носила в основном формальный характер. Чтобы приобрести право числиться бобылем, необходимо было получить санкции от вотчинных или правительственных властей. Непашенные крестьяне встречаются в источниках XVI—XVII вв. значительно реже, чем непашенные бобыли.

пичный для феодального общества на всех этапах его существования процесс ухудшения материального положения многих крестьян, то в XVII в. (а в какой-то степени уже в XVI в.) развитие бобыльства отражало и процесс отделения промышленного труда от земледелия, процесс развития промышленности и торговли в русской крепостной деревне.

Не следует преувеличивать интенсивность этих процессов. Интересно, что оброчные платежи за лавочные места были очень низки даже в таких крупных торговых селах, как Лысково и Большое Мурашкино (судя по писцовой книге с. Мурашкино от 1624—1626 гг. за лавки, полулавки и полки взималось здесь по 6—21 коп. в год). Характерна чрезвычайная текучесть владельцев лавок и полков. Очевидно торговля в большинстве случаев не давала бобылям устойчивого заработка. Вотчинники вынуждены облагать значительное большинство бобылей пониженными повинностями именно потому, что добыть достаточные средства в ремесле и торговле бобылям XVII века было еще очень трудно. То же самое следует сказать о заработке средств к существованию и платежу податей путем найма на работу.

И все же в условиях складывания всероссийского рынка заметным явлением экономической жизни стал наемный труд бобылей. А. С. Лаппо-Данилевский допустил некоторое преувеличение, когда писал, что бобыли «представляли контингент, из которого, вероятно, чаще всего набирались рабочие». Но нельзя не согласиться с его утверждением о некотором распространении уже в XVI столетии найма бобылей на работу на пашне и в неземледельческих промыслах⁸⁰. Следует обратить внимание на случаи, когда владельцы промыслов не являлись владельцами бобылей⁸¹. Речь, таким образом, идет о случаях отхода оброчных бобылей на заработки и об их использовании на промыслах в качестве наемных работников.

Случаи отхода бобылей отметил Ю. В. Готье; он писал, что бобыли иногда называются «приходцами», чем намекается на их отчужденность от данной местности. Он же обратил внимание на прилуцких безместных бобылей углицкой Троицкой волости, которые кормились работой «в той волости и по за волостью»⁸². Г. Шмелев привел интересный факт отхода бобылей, относящийся к 1646 г.: при составлении переписной книги Московского уезда люди князя Ивана Хованского сказали, что «за Устретинскими вороты за Земляным городом... живут вотчинные бобыли из дальних вотчин, кормятца на Москве промыслы с работою». Среди этих бобылей были «конские мастера» и «портные мастера»⁸³.

До тех пор, пока феодальное государство не создало (в петровское время) паспортную систему, в значительной степени обеспечившую контроль землевладельца за его крестьянином-отходником, легальные отходы были весьма затруднены. Но можно предположить, что работа по найму и отходы на заработки получили среди бобылей большее распространение, чем среди крестьян, сильнее привязанных к сельскому хозяйству. Бездворные бобыли, во всяком случае, часто кормились «походя», «наймующись» на различные работы⁸⁴.

Не всегда можно точно определить, какой характер носило применение бобыльского труда в барском хозяйстве. Когда А. С. Лаппо-Данилевский пишет, что в некоторых из писцовых книг конца XVII столетия уже видный процент населения составляют «работники», жившие обык-

⁸⁰ А. С. Лаппо-Данилевский. Разыскания, стр. 105, см. также Н. А. Рожков. Указ. рецензия, ЖМНП, 1899, № 1, стр. 242; Гр. Шмелев. Указ. рецензия, стр. 570—571.

⁸¹ Н. В. Устюгов. Указ. соч., стр. 229.

⁸² Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII веке, 2 изд., М., 1937, стр. 57.

⁸³ Гр. Шмелев. Указ. рецензия, стр. 570—571.

⁸⁴ Бездворные бобыли очень близки по своему положению к подсоседникам и захребетникам.

новенно на господских дворах, следует учесть, что за этими «работниками» скрываются и наемные сельскохозяйственные рабочие и дворовые крепостные. При этом первых было, безусловно, гораздо меньше, чем вторых. Привлеченных посторонних людей землевладелец также не хотел превратить в своих крепостных, даже если они ранее принадлежали другому владельцу. Вот почему боярским приговором 1697 г. было запрещено дворцовым крестьянам, бобылям и их детям наниматься в работу у помещиков и вотчинников. Боярский приговор, вместе с тем, не мог вообще запретить дворцовым крестьянам и бобылям заниматься работой по найму, так как для многих из них наемный труд был важным или даже важнейшим источником существования и платежа повинностей. Поэтому бояре разрешили «наймываться» им в работу в дворцовых волостях «у своей братьи посадских людей и крестьян и бобылей»⁸⁵.

Если бобыли, поступившие по порядной или без порядной на барский двор, редко становились наемными работниками, то в крестьянском хозяйстве, в промышленности и в торговле наемный труд бобылей получил уже некоторое распространение. Благодаря тому, что бобыли выступали на рынке в качестве продавцов своего труда и своей рабочей силы, бобыльский оброк почти всегда носил денежную форму. В этом заключается весьма существенное отличие бобылей XVI—XVII вв. от их предшественников — пещцев XIV—XV вв.

Как видим, мнение А. М. Панкратовой о том, что история бобыльства XVII в. была историей закрепощения «зачатков вольнонаемного труда», не может быть принято. Бобыли и в XVI и в XVII вв. были не вольнонаемными, а феодально-зависимыми людьми. Но многие из них, оставаясь крепостными, становились наемными работниками в земледельческих или неземледельческих хозяйствах, не принадлежавших их хозяевам.

Судьбы бобыльства в XVIII в. разобраны нами в другой статье⁸⁶. Здесь мы только отметим, что после указа 1679 г. о введении подворной подати бобыльство, как особая категория сельского населения не исчезло. Государство, правда, не делало больше никакой разницы между крестьянами и бобылями при переписях податного населения и при взыскании повинностей. Но при раскладке государственных повинностей внутри вотчины, а также при обложении владельческими повинностями, особенности бобыльского состояния учитывались.

Оклад владельческих повинностей бобылей, принадлежавших Иверскому монастырю и другим вотчинникам, был в конце XVII и в начале XVIII в. часто значительно меньшим, чем оклад владельческих повинностей крестьян. А сами бобыли начала XVIII в. характеризуются теми же чертами (за исключением льгот в окладе государственных повинностей), что и их собратья XVII в.

Однако в течение XVIII в. постепенно изменяется содержание понятия бобыль, а бобыльство исчезает как значительная социальная группа.

Благодаря распространению крестьянских промыслов и отходов вотчинники получили возможность отказаться от льгот, которые они раньше вынуждены были предоставлять бобылям и другим лицам, полностью или частично лишенным средств крестьянского производства. Широко используя новые возможности выжимания повинностей и старую общинную организацию с круговой порукой, помещики требовали, чтобы все трудоспособные тянули полное крестьянское тягло. В инструкциях управляющим отчетливо выступает требование: «бобылям не быть».

⁸⁵ В этом указе обращает на себя внимание то, что бобыли выступают не только в качестве наемных работников, но и в качестве людей, эксплуатирующих наемный труд. ПСЗ, I собр., т. III, № 1614.

⁸⁶ А. Л. Шапиро. Эволюция бобыльства в России в XVIII веке. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1958 г.», Таллин, 1959, стр. 91—104. В этой же статье сделана попытка сопоставления русских бобылей с бобылями Латвии и Эстонии.

В течение XVIII столетия осуществляется постепенная замена старой вытной системы обложения, исходившей из учета не только «семьяниности», но «прожиточности» крестьян и предоставлявшей льготу беднякам-бобылям, новой повенечной системой, при которой окладной единицей являлись венцы, пары, тягла (т. е. один мужчина рабочего возраста + 1 женщина, 2 мужчины + 2 женщины или большее количество мужчин и женщин). Правда, старые окладные единицы (выти, осмаки и др.) встречаются в вотчинных документах конца XVIII и даже в XIX в. Но они приобретают иной характер и включают определенное количество венцов или тягол. Кое-где владельческие повинности вотчинные власти собирали с души, но такой порядок был явлением редким. Да и подушная система, как и повенечная, почти не оставляла места для бобыльской льготы.

При раскладке повинностей внутри мирской общины часто учитывалось не только количество работников, но и прожиточность. Помещик же не сокращал объем повинностей из-за скудости части своих крестьян. При таких обстоятельствах бобыли почти исчезают не только из государственных переписей, но и из вотчинных переписных книг и других вотчинных документов.

Правда, всех крестьян невозможно было включить в тягло и в конце XVIII в. Старые, увечные и одинокие нетрудоспособные крестьяне оставались за рамками тяглой организации и даже в XIX в. сохраняли иногда старое наименование бобылей. Ремесленники к XIX в. уже не попадали в разряд бобылей. Помещики не признавали бобылями и тех, кто имел недостаточное хозяйство, но был в состоянии работать. Только совсем убогие, больные и одинокие старцы являлись нетяглыми бобылями. В этих условиях численность бобылей резко уменьшилась. Для социально-экономической истории России XIX в. бобыльство уже не представляет особого интереса.

Подведем важнейшие итоги: 1. Бобыли встречаются в документах с конца XV в., но они имеют явное сходство с более ранними группами сельского населения, не полностью обеспеченными средствами крестьянского производства (или вовсе лишенными этих средств) и отбывавшими уменьшенные феодальные повинности. Такими в XIV—XV вв. были «пешцы», являвшиеся предшественниками бобылей. 2. Бобыли XVI—XVII вв.— это феодально-зависимые люди, отличавшиеся от крестьян особенностями в отбывании владельческих, а до 1679 г. и государственных повинностей. Особенности бобыльских повинностей объяснялись тем, что бобыли обычно выступали как люди бедные. 3. Разделение сельского трудящегося населения на людей обеспеченных и плохо обеспеченных средствами крестьянского производства было характерно для феодального общества уже на ранних ступенях его развития. Однако в XVII в. эволюция бобыльства отражала и такие характерные для периода складывания всероссийского национального рынка процессы, как отделение промышленного труда от земледельческого, развитие промышленности и торговли в крепостной деревне, развитие найма, развитие денежной ренты. 4. Указ 1679 г. о подворной подати уравнил крестьян и владевших своим двором бобылей в окладе государственными повинностями. Но он не привел к ликвидации бобыльства в России. Гораздо более существенное влияние, чем реформа государственного обложения, на судьбы бобыльства оказали сдвиги, которые в XVIII в. произошли в системе обложения сельского населения владельческими повинностями. Используя новую хозяйственную ситуацию в целях повышения доходности своих имений, помещики ввели повенечную систему обложения, исключавшую льготу бобылям и почти полностью переключавшую их в разряд крестьян.

